

А. Н. Фатенков¹

КАРЛ МАРКС КАК ВСЕ-ТАКИ НЕРЕЛИГИОЗНЫЙ ТИП

Мне, стороннику экзистенциальной философии, Карл Маркс идейно не очень близок. Вызывают озадаченность присутствующие в его учении тенденции к экономическому детерминизму и социологизаторству (увы, ненадуманные). И если первую он намерен был переломить (эмансипация человека и означает выход из-под гнета экономической зависимости), то вторую намеренно поощряет (эмансипированный индивид и есть, дескать, существо собственно социальное). Имеется еще несколько существенных черт марксизма, которые, ставя его в ряд типично нововременных теорий, не вызовут симпатий у экзистенциалиста.

Однако — вот она, диалектика жизни, — сегодня Маркса нередко защищают. Прежде всего, по трем позициям (не считая общественно-политической — антикапиталистической): 1) как диалектика (насколько он действительно таков); 2) как неидеалиста (насколько его неидеализм последователен); 3) как светского, секулярного мыслителя (насколько он опять же таковым является). Ясно, что пункт 3 невозможно отстоять, не подкрепив его пунктами 1 и 2.

Мое неприятие религиозно-церковного мировоззрения (точнее, наверное, моя удаленность от него) проистекает из личного жизненного опыта, счастливо советского семейного воспитания, исходного естественно-научного образования. И, разумеется, не в последнюю очередь подчеркнутая нерелигиозность обусловлена особенностями восприятия философии, понимания ее культурной специфики, целей, задач, ее притягательности, наконец. В рамках религиозной парадигмы человек есть существо если и не падшее, то ведомое: без помощи свыше ему не обойтись. Философия учит принципиально иному — самостоятельности, неэффемерной свободе человека, как бы трудно та ему ни давалась. Без самостоятельности нет и уникальности, на утверждение и обоснование которой ориентирован экзистенциализм. Его нерелигиозная версия в этом плане очевидно плодотворнее, нежели религиозная, где уникальность человека в лучшем случае есть аналог уникальности Бога.

С античных времен известно: свободен тот, кто, избавившись от внешних господ, господствует над собой. Диктатура вождя, партии, государства, закона (морального, юридического, естественно-научного) — того же, стороннего, профиля, что и власть трансцендентного личностного абсолюта. Маркс, начиная с ранних работ, настаивает (причем справедливо): политико-юридические права и свободы не приведут к реальному

освобождению индивида, пока и если не ликвидирован религиозный диктат. При этом устранение теистического прессинга автоматически не снимет антагонизмов гражданского (буржуазного) общества. Наоборот, только последовательная мирская эмансипация способна обеспечить снятие религиозных оков.

Приведенная в реконструкции выкладка сразу говорит, во-первых, о критическом настрое Марксова мышления (кантовского или некантовского происхождения этот критицизм — не так уж важно); во-вторых, о его неидеалистическом векторе при констатации значимости сферы идеального (религия как одна из форм сознания, как форма искаженного сознания, вторична по отношению к событиям исключительно земной жизни); в-третьих, о его диалектической склонности.

В диалектической ориентации К. Маркса и его теоретической состоятельности вообще усомнился русский религиозный философ С. Н. Булгаков. Его полемический этюд — с броским заголовком («Карл Маркс как религиозный тип») и торопливыми суждениями кающегося отступника — станет фоновым предметом наших дальнейших разбирательств. Собственно, ему изначально была отведена эта роль. Претенциозный, с расчетом на внешний эффект, заголовок после прочтения всего булгаковского текста оставляет неприятный осадок софистики. Заманивая потенциального читателя нетрадиционным, парадоксальным, на первый взгляд, толкованием позиции видного материалиста и атеиста, на деле автор играет на возможном смешении привычной, узкой трактовки религиозности с ее неоправданно расширительной трактовкой, когда речь идет о всяком обращении к высшим и последним ценностям, которые человек ставит над собой, выше себя. Возражение напрашивается незамедлительно: отнюдь не обязательно — ни логически, ни этически — основание и высоты бытия уравнивать со сверхъестественным, трансцендентным. В булгаковской статье постепенно разъясняется, конечно, что о религиозности Маркса можно говорить только в особом, расширенном контексте, а в обычном он остается атеистом (если не считать марксизм элементарной разновидностью «низкосортной» фейербахианской религии человекобожия). Но ведь заголовок-то не подразумевает исключительно или даже преимущественно особого контекста прочтения.

Очертим круг высказанных в этюде претензий к немецкому философу и сконцентрируемся на контраргументах, ставя целью обосновать его сущностную нерелигиозность, светскость в сколько-нибудь значимых социально-культурных ракурсах (с акцентом на их философский сегмент). Что до квази-псевдо-религиозного (хилиастического) характера социалистических идей, то и хилиазм, несомненно, вторичен, и не только по отношению к теистическому канону, но и, согласно светским представлениям, к нереализованным чаяниям земной жизни. Да и за рамками светского мировоззрения, если не упереться в догматизм, априори не получится, генеалогически проранжировав, причин-

¹ Профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике», «Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах: Альбер Камю», «Феномен выбора под подозрением», «Революция и экзистенция (этюды разного настроения)», «Человеческое существование в галерее превращенных и отчужденных форм» и др. Член редакционного совета журнала «Философская антропология», член Российского философского общества.

но привязать друг к другу упомянутые (библейскую и оппонирующую ей) доктрины. Ф. М. Достоевский, например, прямо ставит на одну доску вопрос о Боге и вопрос о социализме в спорах «русских мальчиков». У С. Н. Булгакова в работе «Апокалиптика и социализм (религиозно-философские параллели)» — все иначе, удручающе догматично: иудейский, исходный, «чувственно-исторический» хилиазм хуже его христианской, последовательно спиритуалистической рецепции; социализм, умягчающий эсхатологию до исключительно земных ее этапов, хуже и иудейского хилиазма, секуляризованной версией которого является. Булгаков полагает, что Маркс лишь чисто внешне копирует (или даже пародирует) диалектические гегелевские структуры, что он не диалектик и не гегельянец в любом ином смысле, что марксизм вовсе чужероден немецкому классическому идеализму. Опрометчивое, без особого труда опровергаемое заявление. Теперь отвечаем по порядку.

Маркс — диалектик-гегельянец (с достоинствами прототипа и некоторыми его недостатками). У обоих диалектика не только служит гносеологическим, методологическим инструментом, но и выступает стержнем и нервом онтологии: у Гегеля — идеалистической, насколько абсолютная идея в его философии по преимуществу идеальна; у Маркса — материалистической, насколько человеческая история в его концепции приоритетно подчинена материальным факторам. В материалистической философии истории (социальной онтологии) обнаруживаем: общественную формацию (бесклассовое общество) с низким уровнем производительных сил, которая сменяется экономической формацией (классовым обществом — рабовладельческим, феодальным, капиталистическим), последняя, в свою очередь, сменяется общественной формацией (бесклассовым коммунистическим обществом) с высоким уровнем производительных сил.

Опираясь на диалектическую логику, Маркс, качественно преодолевая идеализм, вместе с тем удерживает преемственную связь с ним и отчасти с его кантовской версией. Впрочем, нынешние попытки «дополнить» марксизм кантовством с очевидностью контрпродуктивны. Они осознанно или неосознанно ведут к либерально-эстетскому канализированию, забалтыванию революционного ядра и настроя «научного социализма» (научного по объективистским меркам XIX столетия).

Нельзя не признать, разумеется, что в требовании активности субъекта Маркс и Кант схожи. И все-таки гегельянец кантовцу в философии не товарищ. Как бы ни критиковал Кант догматизм, как бы ни «шерстил» рациональные доказательства бытия Бога, место для трансцендентной инстанции априори наличествует в его гносеологизируемой онтологии. Это та вещь-сама-по-себе, та единственная, которая никогда не станет вещью-для-нас, не войдет полностью в человеческий опыт. Гегель, отрицая наличие какой бы то ни было непознаваемой вещи-самой-по-себе, дает понять, что место для Бога в его картине мира отсутствует. Человеческий разум, пусть лишь разум одного-единственного «абсолютного философа», способен вскрыть любые трансцендентные схроны. Имплицитный атеизм Гегеля не ускользает от внимания Маркса и в XX веке — Кожева. Правда, в отличие от Гегеля, Маркс заметно осторожнее в оценках возможностей индивида. В том числе по причине того, что, с его точки зрения, история отнюдь не завершается — скорее, наоборот, только вступает в свою подлинную фазу. Материализм, в противовес абсолютному и объективному идеализму, обречен на изрядную долю неопределенности. История, сбросившая с себя нематериальное покровительство, не дает гарантий безошибочности. Для диалектического идеалиста Гегеля религиозное сознание — еще расколотое, больное; а философское — уже преодолевшее раскол, здоровое. Для диалектического материалиста Маркса и философское мышление не без трещин, не без «взгляда со стороны». Отсюда неудивительно: атеизм Гегеля — уравновешенный, скрытый; атеизм Маркса — нервный, воинствующий.

Главный аргумент в пользу сущностной нерелигиозности К. Маркса — довод, прибереженный, по законам жанра, напоследок, — отсылает нас к ценности и оценкам общественной практики. Для носителя теистического мировоззрения труд — наказание за «первородную» греховность человека, что вольно или невольно легитимирует любую форму социально-экономической эксплуатации. Для Маркса, напротив, труд есть деятельность, которая только и позволяет исчерпывающим образом актуализировать эмансипированную человечность.